УДК: 339.743 339.924 339.564

Ольга БУТОРИНА

ЕВРО КАК ИНСТРУМЕНТ ИНТЕГРАЦИИ: ИТОГИ 20 ЛЕТ

Аннотация. 1 января 2019 г. исполнилось 20 лет со дня введения единой европейской валюты евро. Маастрихтский договор 1992 г. поставил цель создать Экономический и валютный союз и утвердил общую схему его организации. Новая конструкция связывала воедино две различные системы взглядов на задачи и методы валютной интеграции, их выразители неофициально именовались “монетаристами” и “экономистами”. Первых интересовало валютное измерение: объединение золотовалютных резервов, коллективная денежная единица, независимость от доллара. Вторые настаивали на подлинном экономическом союзе – долгосрочном оздоровлении национальных хозяйств и их тесной конвергенции, после чего возникали предпосылки для создания единой валюты.

Главный вопрос данной статьи – каким образом единая валюта воздействует на процесс европейской интеграции? Для этого следует выяснить, какие функции возлагались на евро в рамках общей стратегии Европейского Союза, оценить результаты выполнения этих функций качественно и, где это возможно, количественно. При этом автор исходит из того, что интеграционный процесс состоит из двух потоков: рыночного и институционального. Интеграция рынков проявляется в более тесной взаимосвязи национальных хозяйств, формировании единого экономического пространства, выравнивании условий ведения бизнеса. Институциональная интеграция – это процесс формирования механизмов (административных, правовых, финансовых), призванных стимулировать и регулировать интеграцию национальных рынков.

Ключевые слова: евро, единая европейская валюта, Экономический и валютный союз, Европейский Союз, еврозона, валютная интеграция, экономическая интеграция.

“Монетаристы” и “экономисты”

Экономический и валютный союз (ЭВС) строился на фундаменте тридцатилетнего опыта валютного сотрудничества стран ЕЭС, если вести отсчёт от первого плана Барра 1969 г. На протяжении всего этого времени в органах ЕС шла борьба между сторонниками двух разных подходов к валютной интеграции, в основе которых лежали преобладающие экономические концепции, политические традиции и актуальные потребности хозяйственной политики.

“Монетаристы” во главе с Францией, которую поддерживала Бельгия, добивались объединения резервов центральных банков государств-членов, учреждения

© Буторина Ольга Витальевна – доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института Европы РАН по научной работе. **Адрес:** 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11-3. **E-mail:** butorina@ieras.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope120191426>

европейского валютного фонда (в противовес МВФ) с перспективой введения единой валюты. Идея формирования европейской “валютной идентичности” и снижения зависимости от доллара проходила лейтмотивом через большинство инициатив. При этом французское правительство сверхчувствительно относилось к проблеме национального суверенитета и решительно выступало против расширения полномочий высших органов ЕС [Борко, 2016: 224]. Стан “экономистов” образовали Германия и Нидерланды, сосредоточенные на соблюдении рыночных свобод и поддержании низкой инфляции. Они пропагандировали финансовую дисциплину и доказывали необходимость тесной координации экономической политики государств-членов, которая в будущем могла бы создать предпосылки для перехода к единой валюте [Глухарев, 1986: 104].

Стремление Франции внедрить в Сообществе механизмы финансовой взаимопомощи объяснялось особенностями ее экономического положения: слабостью французского франка, повышенной инфляцией, хроническим дефицитом текущего баланса. Два последних фактора вкупе с высокой социальной напряженностью, которая выливалась в требования профсоюзов о повышении зарплат, создавали угрозу того, что франк перейдет в категорию “мягких”, второсортных западноевропейских валют.

Экономическая политика Германии строилась с оглядкой на ошеломляющий опыт гиперинфляции после Первой мировой войны. Бундесбанк задался целью превратить новую западногерманскую марку в одну из самых устойчивых и надежных валют. Руководствуясь постулатами социального рыночного хозяйства, он делал ставку на долгосрочную ценовую стабильность, которая должна была поощрять сбережения, понижать стоимость заёмных средств, создавать атмосферу предсказуемости и уверенности для предпринимателей и тем самым содействовать устойчивому экономическому росту.

Две группы по-разному понимали движущие силы валютной интеграции. Устранение курсовых перепадов на общем экономическом пространстве ЕЭС, как верили “монетаристы”, даст толчок консолидации этого пространства, тесному переплетению хозяйственных систем. Они считали лишним снижать инфляцию перед введением единой валюты. Ведь проблему устранял единый центральный банк: высокое доверие к нему и его политика низких процентных ставок искоренили бы инфляцию на всем пространстве валютного союза, включая страны с прежде повышенной ценовой динамикой. По этой логике, экономические проблемы решались институциональными средствами. “Экономисты” считали абсолютным императивом длительный процесс экономической конвергенции, направляемый органами Сообщества, но реализуемый национальными правительствами. Без него невозможно подготовить базу для единой денежно-кредитной политики. Согласно “коронационной теории” (англ. – “coronation theory”), единая валюта должна была стать конечным пунктом, короной, или по-русски лучше сказать, венцом валютного союза. Германия опасалась, что без строгой финансовой дисциплины государств-членов валютный союз превратится в поле неконтролируемой инфляции. [Mongelli, 2008: 8–9].

Уповав на реальную конвергенцию, Германия отвергала французскую политику дирижизма и активного вмешательства государства в хозяйственную деятельность. Когда в начале 1960-х гг. Робер Маржолен, отвечавший в Комиссии за валютно-финансовый блок, попытался приспособить французскую модель среднесрочного экономического планирования к условиям ЕЭС, его резко остановили сторонники

немецкой школы ордолиберализма – председатель Комиссии Вальтер Хальштейн и член Комиссии Ганс фон дер Грёбен. С тех же позиций выступили союзы предпринимателей [Dumoulin, 2014: 397].

Раз сближение макроэкономических показателей и экономической политики в целом не могло проводиться за счёт общих планов, пусть индикативных, как во Франции, значит, оставался только один способ – установить общие нормативы, которые каждая страна будет выполнять самостоятельно. Данный нормативный подход был закреплён Маастрихтским договором в виде критериев конвергенции.

Рекомендованные “монетаристами” меры представляли собой институциональную интеграцию. Они должны были вырабатываться и осуществляться на самом высоком, наднациональном уровне – на уровне Сообщества в целом. “Экономисты” же предлагали, чтобы органы Сообщества задали общие правила, которые будут претворяться в жизнь и общими усилиями, и усилиями национальных правительств. Целенаправленные действия тех и других должны были привести к интеграции на главном, нижнем уровне, то есть к слиянию рынков товаров, услуг, капиталов и рабочей силы.

Евро на страже единого рынка

Самый яркий позитивный результат единой валюты состоит в том, что еврозона вот уже 20 лет свободна от внутренних валютных колебаний. Гражданам теперь не надо обменивать одни денежные знаки на другие. Для бизнеса в прошлом остались проблемы валютных рисков и связанные с ними порой весьма обременительные потери.

Действовавшая с марта 1979 г. Европейская валютная система объединяла механизм совместного плавления валют стран ЕЭС с коллективной единицей – ЭКЮ. Её весьма продвинутые механизмы далеко не всегда позволяли удержать курсы в заданном диапазоне. Сильные расхождения наблюдались в 1985–1988 гг. на фоне резких перепадов стоимости доллара. Новый взрыв валютной нестабильности произошёл в 1992 г. вследствие объединения Германии. Опасаясь роста инфляции (вызванного расходами на объединение), Бундесбанк поднял процентную ставку и таким образом создал понижающее давление на валюты стран-партнёров. Только целой массой интервенций нескольких центральных банков удалось избежать девальвации французского франка. По итогам кризиса были девальвированы итальянская лира, испанская песета, португальский эскудо, ирландский фунт и греческая драхма. Великобритания раз и навсегда покинула механизм совместного плавления (рисунок 1).

“Евро стоит на страже целостности Единого рынка”, – заявил президент Европейского центрального банка Марио Драги, выступая 15 января 2019 г. в Страсбурге на пленарной сессии Европейского парламента по случаю 20-летия евро [Draghi, 2019]. Возникает вопрос: каким образом единая валюта защищает завоевания интеграции? Специалисты знают, что вся история валютного сотрудничества в ЕЭС, по крайней мере до начала 1990-х гг., диктовалась потребностями его Общей аграрной политики. Конкретнее – действовавшей с 1967 г. системой единых гарантированных цен на сельскохозяйственные товары. С их помощью Сообщество защищало местных производителей от внешней конкуренции и скупало излишки продукции. Данная система отвечала интересам Франции и была условием ее пребывания в группировке. Но единые цены могли существовать только при фиксированных курсах. Когда они начинали расходиться, рушилась вся конструкция “Общего рынка”. Фермеры

Современная Европа, 2019, №1

тех стран, для которых единые цены становились из-за движения курсов слишком низкими, требовали от правительств компенсации – в виде прямых субсидий или мер таможенной защиты от конкурентов из соседних стран.

Рисунок 1.

Индексы курса марки ФРГ к некоторым валютам стран ЕС, 1983 = 1.

Примечание: движение линии вверх означает удорожание марки ФРГ по отношению к соответствующей валюте; движение линии вниз означает укрепление соответствующей валюты и ослабление марки по отношению к ней.

Источник: подсчитано по данным электронной базы UNCTADStat.

В разгар событий 1971 г., когда США прекратили размен долларов на золото, а Германия ввела плавающий курс, основатель аграрной политики ЕС Сикко Мансхолт бил тревогу. “Кто знает, – предостерегал он, – ограничится ли происходящее сельским хозяйством? Что, если трудности возникнут в промышленности, на транспорте и в других отраслях? Случись это, что сейчас очень вероятно, нам следует приложить все силы, чтобы не дать этим явлениям распространиться по Сообществу. Мы обязаны ... устранить нависшую сегодня опасность как можно скорее” [Mansholt, 1971: 32]. В отличие от всех других рынков, разногласия по поводу аграрных цен моментально поднимались на уровень Сообщества, вызывали напряжение в стратегически важном для судьбы ЕЭС диалоге Бонна и Парижа.

Единая валюта одним фактом своего существования устранила неразрешимое противоречие между рыночными основами Евросоюза и его нерыночным, централизованным механизмом аграрных цен, который лежит в основе Общей сельскохозяйственной политики. И хотя в последние два десятилетия эту политику основательно перестроили, единые аграрные цены сохранились. По итогам 2017 г. Европей-

ский фонд сельскохозяйственных гарантий произвел выплаты на сумму 44,7 млрд евро, что составило 28% общего бюджета Евросоюза [European Commission, 2018].

Курсовые колебания, конечно, сказывались и на торговле промышленными товарами. Если национальная валюта дешевела, это стимулировало экспорт и сдерживало импорт из стран-партнёров. Как следствие, торговые потоки внутри Евросоюза искажались. Однако благодаря широкой и неодинаковой по странам товарной номенклатуре возникавшие проблемы не выливались в призывы пострадавших ввести меры таможенной защиты. Возникавшее напряжение постепенно сходило на нет, поскольку эффект от девальвации обычно длится не больше года. Введение евро раз и навсегда устранило эти трудности и, как будет показано в третьей части статьи, придало ускорение внутрорегиональной торговле. По некоторым оценкам, валютный союз не создал односторонних торговых преимуществ тем или иным странам, а принес выгоду всем его участникам [Поливач, 2015: 78].

В едином рынке Евросоюза, о котором говорил М. Драги, есть ещё один сегмент, который в принципе не может существовать без единой валюты. Это рынок капиталов, предусмотренный ещё Римским договором (ст. 67–71). Его создание шло довольно медленно до тех пор, пока в 1985 г. не была провозглашена программа завершения строительства Единого внутреннего рынка. Она предполагала, что к 1992 г. в ЕС будут сняты все барьеры на пути движения капиталов. Инициатива Делора нашла живой отклик у крупных европейских компаний, которые страдали от сегментации финансового пространства ЕС. Например, во Франции бизнес требовал от правительства отменить ограничения на пути движения капиталов, мотивируя это тем, что инвесторы с недоверием относятся к местному рынку, из-за чего процентные ставки отклоняются вверх по сравнению с международными [Logiaux, 1991; Howarth, 2016: 88].

Развернувшийся в странах ЕС процесс либерализации совпал с аналогичным трендом в мировом масштабе, а оба они наложились на взрывной рост глобальных финансовых рынков, связанный в том числе с информационной революцией. Вскоре правительства оказались перед “невозможной триадой”: чтобы сохранить свободу перемещения капиталов, им предстояло пожертвовать либо автономией денежно-кредитной политики, либо фиксированными курсами [Головнин, 2017; Холопов, 2015; Klein and Shambaugh, 2010; Krugman, 1987; Krugman and Obstfeld, 2008; Obstfeld and Rogoff, 1996; Padoa-Schioppa, 2004].

Кризис ЕВС 1992–1993 гг. показал, что попытка и дальше удерживать курсы национальных валют в заданном коридоре обречена на провал. Даже при максимальной координации денежно-кредитной политики рынки продолжали бы проверять обменные курсы на прочность, организуя атаки на относительно слабые валюты. Одновременно оборот мировых валютных рынков увеличился настолько, что теперь центральным банкам требовалось гораздо больше ресурсов, чтобы валютные интервенции давали результат. Имевшиеся золотовалютные резервы не покрывали этих нужд.

Единая валюта увеличила масштаб и решительно повысила качество финансовых рынков еврозоны, включая их глубину и ликвидность, а, следовательно, устойчивость к шокам. Все основные сегменты, а именно: денежный рынок, рынки государственных и корпоративных облигаций, рынок акций и банковских кредитов – существенно нарастили показатели интеграции после 1999 г. На первых трёх из перечисленных современный уровень интеграции оценивается как весьма высокий

или высокий. Возросла синхронность: рынки стали одинаково реагировать на внешние сигналы. Наблюдавшееся в кризисные годы расхождение доходности 10-летних облигаций в целом преодолено. В ноябре 2018 г. средний для еврозоны показатель доходности составил 1,25% по сравнению с 0,31% в Германии. Наивысшие значения отмечались в Италии и Греции – 3,39% и 4,42% соответственно.

Экономический и валютный союз сделал общее хозяйственное пространство еврозоны гораздо более ёмким и однородным, приблизил его по ряду показателей к национальному. С этой точки зрения, единая валюта способствовала сокращению структурного разрыва между еврозоной и США. Сблизились и их количественные показатели. В 2017 г. на еврозону приходилось 16% мирового ВВП и 26% мирового экспорта товаров, доля США составляла 24% и 9% соответственно. В зоне евро проживало 340 млн человек, или на 10 млн больше, чем в США.

Ценовая стабильность как императив

Если введение единой валюты и создание общего эмиссионного центра воплотило устремления “монетаристов”, то достижением “экономистов” стала бескомпромиссная установка на ценовую стабильность. Официально ЕЦБ имеет главную и единственную цель – поддерживать стабильность цен, которая понимается как нахождение Гармонизированного индекса потребительских цен на уровне близком к 2% годовых.

За 20 лет функционирования единой валюты инфляция в зоне евро заметно снизилась по сравнению с предыдущими периодами, особенно с концом 1980-х – началом 1990-х гг. На протяжении 1999–2008 гг. динамика цен в странах ЭВС была близка к идеальной, то есть действительно находилась вблизи 2-процентной отметки (таблица 1). Правда, в кризисном 2008 г. общая инфляция разогналась до 3,3%, а в Испании, Греции, Ирландии и Бельгии перешагнула 4-процентный рубеж.

Закономерен вопрос насколько введение евро способствовало снижению инфляции? Дисциплинирующий эффект ЭВС, безусловно, существует. Однако сравнение ценовой динамики еврозоны с другими государствами Западной Европы не дает оснований для однозначных оценок. Во второй половине 1990-х гг. (когда большинство стран ЕС стремилось выполнить маастрихтские критерии, чтобы войти в зону евро), средние темпы инфляции в той же мере замедлялись в других странах. Идентичную картину демонстрировали отказавшиеся переходить на евро Дания и Великобритания, а также оставшаяся вне объединения Норвегия. Ещё быстрее снижалась инфляция в Швеции и Швейцарии. Страны Центральной и Восточной Европы в это время переживали трансформационный шок, поэтому сравнение с ними было бы некорректным (таблица 1).

Стабильность цен в первое десятилетие существования евро тоже не является уникальной. Показатели Швеции, Дании, Великобритании и даже Чехии были почти такими же. Польша в 2004–2008 гг. добилась лучших результатов, чем находившиеся под патронатом ЕЦБ Испания и Греция. Резкое замедление роста цен в посткризисные годы и возникшая с 2013 г. в еврозоне опасность дефляции также характерны для других промышленно развитых стран Западной Европы. С 2014 г. к дефляционной когорте присоединилась и Румыния, где в середине 2000-х инфляция измерялась двузначными числами. Выходящая за рамки данной статьи проблематика вялого роста цен и его влияния на денежно-кредитную политику обстоятельно исследуется в других работах [Глазова, 2017; Буторина, Цибулина, 2018].

Современная Европа, 2019, №1

Таблица 1.

Среднегодовые темпы инфляции в некоторых странах Европы в 1999–2017 гг.

	1989-93	1994-98	1999-03	2004-08	2009-13	2014-17
Еврозона всего	5,00	2,53	2,09	2,35	1,62	0,60
Германия	4,53	1,74	1,29	1,94	1,40	0,84
Франция	2,99	1,50	1,66	2,18	1,47	0,54
Италия	5,77	3,46	2,42	2,29	1,87	0,35
Испания	5,99	3,35	3,09	3,36	1,71	0,28
Греция	16,77	7,66	3,26	3,34	1,97	-0,69
Португалия	10,90	3,52	3,28	2,56	1,45	0,55
Литва	...	30,10	0,44	4,84	2,81	0,96
Другие страны ЕС						
Швеция	6,67	1,11	1,57	1,57	0,89	0,64
Дания	2,63	2,05	2,45	2,00	1,91	0,60
Великобритания	5,30	2,09	1,20	2,35	2,64	1,35
Чехия	...	9,42	2,52	3,27	1,83	0,95
Польша	194,45	21,45	5,01	2,69	3,03	0,15
Болгария	106,56	271,35	5,68	7,84	2,65	-0,06
Венгрия	25,29	20,62	7,77	5,65	4,08	0,61
Страны вне ЕС						
Швейцария	4,35	0,80	0,93	1,24	-0,09	-0,26
Норвегия	3,35	1,98	2,45	1,76	1,74	2,41

Примечание: данные за 1989–1993 гг. по Германии относятся только к 1991–1993 гг. Данные по Швейцарии включают также Лихтенштейн.

Источник: подсчитано по данным электронной базы UNCTADStat.

Низкая инфляция всегда рассматривалась как важное условие нормального функционирования ЭВС. Дело не сводилось к озабоченности Германии по поводу возможного импорта инфляции и снижения международного авторитета единой валюты (которая заменяла надёжную западногерманскую марку). Динамика цен играет важную роль в процессах интеграции ещё как минимум в двух измерениях.

Первое измерение – степень и устойчивость сближения страновых показателей инфляции. Маастрихтский критерий звучит так: темпы инфляции не должны превышать 1,5 процентных пункта средний аналогичный показатель в трех странах с наименьшим ростом цен. Установленный весьма узкий диапазон в 1,5 процентных пункта должен был предотвратить появление макроэкономических дисбалансов, связанных с тем, что после перехода на евро национальные правительства утрачивали право корректировки курсов. Большее расхождение темпов инфляции означало бы, что страны с ускоренным ростом цен будут терять конкурентоспособность, а возникавшую деформацию торговых потоков уже нельзя будет исправить посредством девальвации.

Однако удерживать темпы инфляции в одной упряжке было крайне сложно, так как маастрихтский критерий работал в полную силу только при вступлении стран в валютный союз. Успешно пройдя отбор, правительства могли ослабить финансовую дисциплину. Именно это случилось с Грецией. Небольшое с виду, в один про-

центный пункт, но постоянное отклонение её темпов инфляции от средних по евро-зоне вылилось за десять лет в существенную потерю конкурентоспособности. Отрицательное сальдо по текущим операциям покрывалось притоком капиталов из Германии и других стран-партнёров. При первых сигналах кризиса эти капиталы вернулись домой, поставив греческую финансовую систему на грань коллапса.

Одобрённая осенью 2011 г. реформа экономического управления в ЭВС улучшила положение дел при помощи многостороннего мониторинга – Европейского семестра [Пищик, 2018: 135–136]. Но до полного решения проблемы ещё далеко. Имеющиеся у ЕЦБ инструменты не позволяют ему обеспечивать конвергенцию страновых темпов инфляции. Многие важные рычаги управления, фискальные и структурные, находятся в руках национальных властей [Буторина, 2014].

Второй аспект ценообразования связан с неолиберальным концептом единой цены. Архитекторы ЭВС исходили из того, что после перехода на единую валюту обменные курсы больше не будут затуманивать разницу в стоимости однотипных товаров. Цены на всем пространстве валютного союза станут более прозрачными, а стихийные механизмы рынка приведут к их выравниванию. Это будет содействовать более эффективному размещению ресурсов, повышению конкурентоспособности и устойчивому росту. Так проявит себя аллокативная функция интеграции.

Сегодня, по прошествии 20 лет действия единой валюты, стало ясно, что механизмы ценообразования не укладываются в хрестоматийную логику. С точки зрения цен, общее экономическое пространство еврозоны не стало единым, кроме отдельных сегментов, включая онлайн-торговлю. Так, исследование испанских экономистов показало, что формирование ценовых трендов во многих странах ЭВС подчиняется разным паттернам, которые в долгосрочной перспективе не будут сближаться. Сейчас для измерения уровня реальной конвергенции органы ЕС берут за основу разброс темпов инфляции. Но эта методика скрывает истинное положение дел. Правильнее сравнивать не темпы инфляции по экономике в целом, а соотношение цен в разных странах [García-Hiernaux and Guerrero, 2015].

На рынке автомобилей схождение цен наблюдалось с 1990-х гг.: производители заранее готовились к переходу на единую валюту. Однако после 2003 г. процесс остановился и во время кризиса в отдельных случаях пошёл вспять. Ссылаясь на желание угодить вкусам местных покупателей, компании доводят дифференциацию моделей до того, что они не поддаются сравнению. Трансграничный арбитраж в итоге не срабатывает, а отдельные страны превращаются в обособленные естественные маркетинговые зоны [Strasser, 2018]. Невозможность реальной конвергенции цен ставит под сомнение ожидавшееся позитивное влияние ценовой стабильности на интеграцию товарных рынков. Что касается интеграции рынков услуг (которые дают 70% ВВП), то здесь дело обстоит ещё сложнее. Значительная часть услуг потребляется на месте и не перемещается в принципе, например, оптовая и розничная торговля, общественное питание, складские услуги, кино, спортивные секции и т.п. Кроме того, услуги дифференцированы ещё сильнее, чем товары.

Взаимная торговля – интеграция хозяйств

Взаимное переплетение национальных хозяйств принято рассматривать как объективный процесс интеграции, в отличие от субъективной политики наднациональных органов объединения. В английском языке сложилась следующая терми-

нологическая практика. Европейской интеграцией (англ. European integration) называют интеграцию на уровне институтов Евросоюза. Сближение макроэкономической политики государств-членов обозначают словами “экономическая интеграция” или “экономическое сплочение” (англ. economic integration, economic convergence). Интеграция различных рынков определяется по их наименованию, например, интеграция рынков капитала или рынков труда (соответственно – capital market integration, labor market integration). Возвращаясь к предложенной в конце первого параграфа схеме, эти обозначения соответствуют первому, второму и третьему уровням интеграции.

Исследователи давно обратили внимание на качественную разницу интеграционных процессов, конструируемых сознательно и возникающих самопроизвольно. Вильям Уоллес ввел понятия формальной и неформальной интеграции. К первой он относил задаваемую договорами институциональную структуру ЕС, а ко второй – непосредственные паттерны взаимодействия и обменов, откликающиеся на формальную интеграцию. По мере развития эти практики, в свою очередь, оказывают давление на формальную интеграцию и создают запрос на дальнейшее совершенствование институциональных рамок. Характеристики такого спроса со стороны бизнес-сообщества и каналы его воздействия на принимаемые органами ЕС решения исследовал Вальтер Мэттли [Wallace, 1994:5; Mattly, 1999: 72–80].

Один из основоположников советской и российской школы интеграционных исследований Ю.В. Шишков, отталкиваясь от работ Б. Балашии, Д. Гендерсона, М. Бийо и Дж. Вайнера, предлагал различать региональную интеграцию как процесс и как состояние. Процесс нарастания интеграции, то есть взаимопроникновения и переплетения национальных хозяйств, он называл “международным интегрированием”. Слово “интеграция” оставлялось для обозначения всех остальных проявлений феномена [Шишков, 1993; Шишков, 2001: 16–22; Balassa, 1962; Vuè, 1950; Henderson, 1992; Viner, 1950]. Под интегрированием автор в первую очередь понимал более глубокое разделение труда между странами – участниками группировки. А именно развитие внутриотраслевой специализации и кооперирования, формирование устойчивых взаимосвязей не столько на макро-, сколько на микроуровне – между субъектами хозяйствования.

Интенсивность региональной торговли всегда считалась одним из наиболее важных признаков рыночной интеграции, то есть фактической взаимосвязанности национальных хозяйств. Для ее измерения используется несколько стандартных показателей, наиболее распространенный из них – отношение стоимости торговых потоков между странами-партнёрами к их общей внешней торговле [Paradre and Plummer, 2011: 103–104]. В Евросоюзе этот показатель всегда был самым высоким среди региональных группировок, в 1980-е годы он подходил к 60%.

Стал ли переход на евро катализатором внутрирегиональной торговли? Согласно статистике ЮНКТАД, на двухлетнем отрезке с 1997 г. по 1999 г. доля внутрирегиональной торговли в общем экспорте 28 стран ЕС поднялась на восемь процентных пунктов – с 61% до 69%, прирост впечатляющий, учитывая и без того высокую степень торговой интеграции. Причём данный сдвиг наблюдался одновременно во многих странах. Так, в экспорте Германии за эти же два года доля партнёров по ЕС-28 (включая только готовившиеся к вступлению страны Центральной и Восточной Европы) поднялась с 56% до 64%, во Франции – с 58% до 67%. Несколько меньшее смещение отмечалось в географической структуре экспорта Италии и Испании. За-

Современная Европа, 2019, №1

то Польша показала скачок с 71% до 81%. В Великобритании, которая к тому времени уже закрепила своё право не переходить к третьему этапу создания ЭВС и не вводить единую валюту, исследуемая доля выросла с 52% в 1997 г. до 61% в 2002 г., когда евро обрёл наличную форму (рисунок 2).

Рисунок 2.

Доля ЕС-28 в общей стоимости экспорта некоторых европейских государств в 1995–1997 гг.

Источник: подсчитано по данным электронной базы UNCTADStat.

Курсы валют тех стран, которые с января 1999 г. образовали зону евро, были жестко зафиксированы в мае 1998 г. Поэтому описанные перемены объясняются не только фактом введения евро, но и фактом устранения валютного риска. Значительная величина данного изменения и его высокая страновая синхронность позволяют говорить о том, что он был связан именно с введением евро. Процесс, как видно, захватил не только страны еврозоны, но и их партнёров по ЕС, а также страны-кандидаты. Налицо отклонение торговых потоков внутрь группировки.

Теперь следует выяснить, образовалось ли это отклонение вследствие того, что торговля с партнёрами развивалась быстрее, чем с остальным миром, или из-за непосредственного переключения поставок из третьих стран на страны ЕС. Судя по данным электронной базы UNCTADStat, в 1998 г. совокупный экспорт государств Евросоюза в страны-партнёры увеличился на 7,3%, а в третьи страны – только на 0,7%. По итогам 1999 г., то есть первого года жизни единой валюты, экспорт в страны-партнёры вырос на 8,1%, тогда как поставки за пределы объединения упали на 15,9%. Во Франции, например, это падение составило 23%. В общей сложности за два рубежных года внутренний поток укрупнился на 220 млрд долл., а внешний оскудел на 140 млрд долл. То есть единая валюта активизировала неформальную интеграцию, в терминах Уоллеса, или международное интегрирование, в терминах Шишкова.

Дальше вплоть до кризисного 2008 г. темпы прироста экспорта в обе группы стран были примерно одинаковыми. Доля партнёров по ЕС в общем экспорте стабилизировалась, хотя в некоторых странах с середины десятилетия наметился нисходящий тренд. Ситуация резко переменялась в результате мирового финансового кризиса. По итогам 2009 г. экспорт в страны ЕС сократился на 23,6%, а в третьи страны – на 21,3%. На протяжении 2010–2013 гг. вывоз в третьи страны рос заметно быстрее, чем в страны-партнёры. Отклонение потоков в пользу третьих стран отчетливо наблюдалось в экспорте Германии, Великобритании, Испании, Бельгии и Италии. Как следствие, в 2013 г. доля внутрирегиональной торговли в экспорте 28 стран ЕС вернулась к уровню 1997 г. – 61%. В последующие четыре года соотношение слегка повысилось (рисунок 2).

Выводы

За свою 20-летнюю историю единая европейская валюта изменила лицо европейской интеграции, став её символом и важным фактором идентичности для 500 миллионов граждан Европейского Союза. Благодаря евро внутренний рынок еврозоны и всего ЕС стал более ёмким, глубоким и однородным.

Создание ЭВС погасило тлевший десятилетиями конфликт между рыночной природой объединения и централизованной системой гарантированных аграрных цен. Таким образом был устранён источник опасных политических разногласий, особенно в связке Франция – Германия. Наличие евро совершенно необходимо для функционирования единого рынка капиталов, все сегменты которого показали значительный прирост интеграции после 1999 г.

Достигнутая в зоне евро ценовая стабильность является важнейшим и неоспоримым, но не уникальным результатом ЭВС. Аналогичная ценовая динамика наблюдается в соседних странах, не входящих в зону евро и в Евросоюз. Происходящая на фоне глобализации трансформация механизмов рыночного ценообразования серьёзным образом препятствует выравниванию цен на экономическом пространстве еврозоны. Запустить механизмы рыночной интеграции при помощи этого инструмента едва ли удастся.

Связанное с переходом на евро отклонение торговых потоков в сторону ЕС проявилось ярко и синхронно, захватив большинство стран ЕС, независимо от их членства в валютном союзе. Однако данный эффект был одноразовым, а произошедшие в первое посткризисное пятилетие изменения в географической структуре экспорта свели его на нет.

Список литературы

Борко Ю.А. (2016) “Франция в европейской интеграции: эволюция концепций и политики (1950–2015 гг.)”, в кн.: Кузнецов А.В., Клинова М.В., Кудрявцев А.К., Тимофеев П.П. (отв. ред.) *Франция на пороге перемен: экономика и политика в начале XXI века*, ИМЭМО РАН, Москва, Россия, с. 221–223.

Буторина О.В. (2014) К проблеме асимметрии в валютно-финансовой системе еврозоны, *Деньги и кредит*, №2, с. 59–64.

Буторина О.В., Цибулина А.Н. (2018) Инфляция в еврозоне: проблемы новой нормальности, *Современная Европа*, №4(83), с. 90–100.

Глазова Е.С. (2017) “Инфляция и дефляция – тенденции в динамике цен”, в кн.: Кузнецов А.В. (отв. ред.) *Регулирование инфляции в условиях социально-экономических дисбалансов*, ИМЭМО РАН, Москва, Россия, с. 6–30.

Глухарев Л.И. (1986) “Новые элементы европейской валютной системы”, в кн.: *Капиталистическая интеграция и стратегия ЕЭС в 80-е гг.* Международный институт экономических проблем мировой социалистической системы, Москва, Россия.

Головнин М.Ю. (2017) Денежно-кредитная политика стран Центральной и Восточной Европы в условиях глобализации: режимы и инструменты, *Вестник Финансового университета*, №1(97), с. 78–86.

Пищик В.Я. (2018) Институциональные механизмы регулирования внешних дисбалансов в европейском Экономическом и валютном союзе, *Экономика, налоги, право*, №6, с. 131–142.

Поливач А.П. (2012) Единая европейская валюта и внешняя торговля стран еврозоны, *Вестник Финансового университета*, №3(69), с. 87–97.

Холопов А.В. (2015) Макроэкономическая роль режима валютного курса, *Вестник МГИМО-Университета*. № 6(45), с. 205–2015.

Шишков Ю. (1993) Интеграция и дезинтеграция: корректировка концепции, *Мировая экономика и международные отношения*, №10, с. 50–68.

Шишков Ю.В. (2001) *Интеграционные процессы на пороге XXI века. Почему не интегрируются страны СНГ*, ИП “III тысячелетие”, Москва, Россия.

References

- Balassa B. (1962) *The Theory of Economic Integration*, London, UK.
- Borko Yu.A. (2016) “Franciya v evropejskoj integracii: ehvoluciya koncepcij i politiki (1950–2015 gg.)”, in: Kuznecov A.V., Klinova M.V., Kudryavcev A.K., Timofeev P.P. (ed.) *Franciya na poroge pere-men: ehkonomika i politika v nachale XXI veka*. IMEIMO RAN, Moscow, Russia, pp. 221–223.
- Butorina O.V. (2014) K probleme asimmetrii v valyutno-finansovoj sisteme evrozony, *Den'gi i kredit*. №2, pp. 59–64.
- Butorina O.V., Cibulina A.N. (2018) Infl'yaciya v evrozone: problemy novoj normal'nosti, *Sovremennaya Evropa*, №4(83), pp. 90–100.
- Byè M. (1950) Unions douanières et données nationales, *Economie appliquée*, Vol. 3, pp. 121–157.
- Draghi M. (2019) “20th anniversary of the euro. Speech at the session of the plenary of the European Parliament to mark the anniversary of the euro in Strasbourg, 15 January 2019”, available at: <https://www.ecb.europa.eu/press/key/date/2019/html/ecb.sp190115.en.html>.
- Dumoulin M. (ed.) (2014) *The European Commission 1958 – 72. History and memories of an Institution*, Publications Office of the European Union, Luxembourg.
- European Commission (2018) *11th Financial Report from the Commission to the European Parliament and the Council on the European Agricultural Guarantee Fund. 2017 Financial Year*, Brussels, 14.9.2018. COM(2018) 628 final.
- Glazova E.S. (2017) “Infl'yaciya i defl'yaciya – tendencii v dinamike cen”, in: Kuznecov A.V. (ed.) *Regulirovanie infl'yacii v usloviyah social'no-ehkonomicheskikh disbalansov*, IMEIMO RAN, Moscow, Russia, pp. 6–30.
- Gluharev L.I. (1986) “Novye ehlementy evropejskoj valyutnoj sistemy”, in: *Kapitalisticheskaya integraciya i strategiya EEHS v 80-e gg.* International Institute of Economic Problems of the World Socialist System, Moscow, Russia, pp. 104.
- Golovnin M.Yu. (2017) Denezhno-kreditnaya politika stran Central'noj i Vostochnoj Evropy v usloviyah globalizacii: rezhimy i instrument, *Vestnik Finansovogo universiteta*, №1(97), pp. 78–86.
- García-Hiernaux A. and Guerrero David E. (2015) *Price-Level Convergence in the Eurozone*, Instituto Complutense de Análisis Económico, Working Paper No. 1505, February, 2015.
- Henderson D. (1992) International Economic Integration: Progress, Prospects and Implications, *International Affairs*, no. 4, pp. 633–653.
- Holopov A.V. (2015) Makroehkonomicheskaya rol' rezhima valyutnogo kursa, *Vestnik MGIMO-Universiteta*, №6(45), pp. 205–2015.
- Howarth D. (2016) “Raymond Barre: European Monetary Cooperation”, in: Dyson K. and Maes I. (eds.) *Architects of the Euro. Intellectuals in the Making of European Monetary Union*, Oxford University Press, Oxford, UK, pp. 75–92.
- Iapadre Lelio P. and Plummer M. (2011) “Statistical measures of regional trade integration”, in: De Lombaerde, Ph., Flôres R.G., Iapadre L.P. and Schulz M. (eds.) *The Regional Integration Manual. Quantitative and Qualitative Methods*, Routledge, UK, pp. 98–123.
- Klein M.W. and Shambaugh J.C. (2010) *Exchange Rate Regimes in Modern Era*, MIT Press, Cambridge.

- Krugman P. (1987) "Economic Integration in Europe: Some conceptual issues", in: Padoa-Schioppa T. (ed.) *Efficiency, Stability and Equity*, Oxford University Press, Oxford, UK.
- Krugman P. and Obstfeld M. (2008) *International Economics: Theory and Policy*, 8-th ed. Reading, MA: Addison Wesley.
- Loriaux M. (1991) *France after Hegemony: International Change and Financial Reform*, Cornell University Press, Ithaca, New York, NY.
- Mansholt S.L. (1971) Speech addressed to the European Parliament during the debate on the monetary situation, Luxembourg, 22 September 1971, *Bulletin of the European Communities*, vol. 4, no. 9/10-1971, pp. 29–32.
- Mattly W. (1999) *The Logic of Regional Integration. Europe and Beyond*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Mongelli Francesco P. (2008) European Economic and Monetary Integration, and the Optimum Currency Area Theory, *European Economy. Economic papers*, 302, February 2008.
- Obstfeld M. and Rogoff K. (1996) *Foundations of International Macroeconomics*, MIT Press, Cambridge, MA.
- Padoa-Schioppa T. (2004). *The Euro and Its Central Bank*, MIT Press, Cambridge, MA.
- Pishchik V.Ya. (2018) Institucional'nye mekhanizmy regulirovaniya vneshnih disbalansov v evropejskom Ekonomicheskom i valyutnom soyuze, *Ekonomika, nalogi, pravo*, №6, pp. 131–142.
- Polivach A.P. (2012) Edinaya evropejskaya valyuta i vneshnyaya trgovlya stran evrozony, *Vestnik Finansovogo universiteta*, №3(69), pp. 87–97.
- Shishkov Yu. (1993) Integraciya i dezintegraciya: korrekcirovka koncepcii, *Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, №10, pp. 50–68.
- Shishkov Yu.V. (2001) *Integracionnye processy na poroge XXI veka. Pochemu ne integriruyutsya strany SNG*, NP "III tysyacheletie", Moscow, Russia.
- Strasser G. (2018) "Price convergence in the EU: What can we learn from the car market? *ECB Research Bulletin* No. 46, 16 May 2018", available at: <https://www.ecb.europa.eu/pub/economic-research/resbull/2018/html/ecb.rb180516.en.html>.
- Viner J. (1950) *The Customs Union Issue*, New York, NY.
- Wallace W. (1994) *Regional Integration: The West European Experience. (Integrating National Economies: Promise and Pitfalls)*, Brookings Institution Press.

Euro as an Instrument of Integration: 20 Years' Experience

Author: Butorina O., Deputy Director for Research, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences.
Address: 11-3, Mokhovaya, Moscow, Russia, 125009. **E-mail:** butorina@ieras.ru

Abstract. The euro, Europe's single currency turned 20 on January 1, 2019. The treaty signed in Maastricht in 1992 launched the European economic and monetary union and defined its organizational structure. The new design merged two distinct notions of monetary integration, promoted by so called monetarists and economists. The first focused on monetary aspects: foreign exchange pull, common currency and independence from the dollar. The latter insisted on a genuine economic union, their priorities included: sound public finance, sustainable growth and true convergence of member states' economies. These were indispensable preconditions for the advent of the single currency. This paper aims to investigate the impact of the euro on the European integration process. To do this, we clarify what particular functions were conferred on the euro within the European Union's strategy, and then we present qualitative and where it is possible quantitative assessment of their performance over the past two decades. We proceed from the fact that any regional integration consists of two co-dependent flows: market integration and institutional integration. Market integration occurs when national economies are progressively interconnected and form a common economic space where companies compete on equal terms. Institutional integration elaborates necessary administrative, legal, and financial machinery to shape and encourage market integration.

Key words: euro, single European currency, Economic and Monetary Union, euro area, monetary integration, economic integration, European integration.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope120191426>